

Не будите Гаурадака

Что такое Багинот

3

Багдерина Светлана

Не будите Гаурдака

Светлана Багдерина

Что такое Багинот

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Багдерина С.

Что такое Багинот / С. Багдерина — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Не будите Гаурдака)

Что в тумане может быть страшнее глубокой выбоины или встречной телеги? Ничего – если он обычный. Но если, откуда ни возьмись, в мирном Забугорском королевстве появились твари тумана, то миру в нем – равно как и самому королевству – скоро может придти конец. Но Багиноту повезло. Масдай попал под дождь, и Адалету с Наследниками пришлось продолжить путь по земле. Правда, повезло ли Адалету и Наследникам – вопрос совершенно другой. Ведь, как оказалось, в багинотском тумане завелись существа и похуже туманных тварей...

© Багдерина С.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

19

Светлана Багдерина

Что такое Багинот

Ливень начался внезапно, когда маг-хранитель со своими спутниками мирно почивали в маленьких, но аккуратных комнатах постоянного двора такого же маленького и аккуратного городка на севере Лотрании.

На тонких мокрых ножках подкрался он стеснительным легким дождиком, пока все спали. Осторожно тронув для знакомства красные черепичные крыши, робко пробежал по мощеным улицам, нежно погладил лысоватые, но яркие весенние газоны, смущенно охладил пыль любовной страсти разномастных кошек на заборах и дворах, и нерешительно оставил тонкие темные полоски на свежевыбеленных стенах одинаковых, как две капли воды, двухэтажных домов. Когда же настало утро, дождь, растеряв ночную стеснительность и скромность, уже весело командовал в Бюргербурге и прилегающих окрестностях, жизнерадостно поливая истосковавшуюся по небесной влаге нежную изумрудную травку и молодую листву деревьев и превращая легкую пыль в тяжелую грязь.

– Нелетная погода, – сухо констатировал факт ковер, когда Иванушка, отложив почти дочитанную за ночь книжку и задув светильник, раздернул занавески, поднял раму и прикоснулся к плотно закрытым на ночь ставням. – Надолго.

Сенька оторвала голову от подушки и, приоткрыв один глаз щелочкой, вдохнула прохладный влажный воздух, ворвавшийся с подмокшей улицы в распахнутое окно.

– На сколько долго? – наученная доверять подобным заявлениям Масдая, она уточнила лишь продолжительность осадков.

Ковер задумался на пару секунд и изрек:

– Крайние кисти ломит. Передние сильнее, чем задние. Значит, дня на три. Не меньше.

– Сколько?! – царевич выпустил из рук незакрепленную раму, и та с грохотом и намерениями деревянной гильотины обрушилась на оставленный на ее пути пухлый том.

Иванушка ойкнул, словно дубовая конструкция придавила не хозяйствский рыцарский роман, а его пальцы, поспешил освободить из-под гнета пострадавший ни за что фолиант и принялся взволнованно осматривать: нет ли переломов супербложки, растяжений корешка или вывихов страниц.

– А ты уверен, Масдай? – Серафима перестала одеваться и нахмурилась в окошко почище протекшего неба.

– Ну может и не три... – не стало упираться и покладисто пошло на попятную их воздушное судно. – Может, пять... Или неделю...

– Ты это серьезно?! – разочарования лукоморцев с излишком хватило бы на весь городок и пару соседних деревень в придачу.

– Вполне, – несколько обиженно сообщил ковер. – Когда это было, чтобы я ошибался?

Супруги переглянулись и грустно вздохнули. Такого случая, как ни хотелось бы его припомнить – хотя бы для создания precedента – в их истории дружбы со старым ковром-самолетом не было.

– А на улице дождь идет...

В сопровождении того, что в устах сурового отряжского конунга сходило за «добroe утво», «можно войти» и прочие южные политесы и экивоки одновременно, дверь распахнулась, и тут же раздался стук, смачный и глухой.

– Хель и преисподня!!!! Ну на кого тут только такие двери делают!? На мышей, что ли?!

Раздраженно потирая лоб, усаженный еще со вчера припухлостями от встреч с местными притолоками, в номер лукоморцев сердито ввалился двухметровый правитель далекой Отря-

гии, загораживая наглухо дверной проем, доселе казавшийся не таким уж и узким. Иванушка сочувственно поморщился.

– Третья?

– Шестая... И еще четыре на макушке. В моей комнате посредине потолка еще и балка проходит... Хоть в шлеме не ходи!

– Так и ходил бы, – резонно предложила Сенька.

– Ходил... Да рога застревают, – нехотя признался Олаф. – Пару раз даже топором вырубать пришлось. Да еще всю полировку на шлеме об их штукатурку испоганил...

– Топором?! Потолок?! – ужаснулся Иван. – Это ж сколько хозяину заплатить придется?!

Олаф задумался.

– Да ладно, – в конце концов он махнул огромной, как сковородка, лапой, едва не снеся с прикроватной тумбочки светильник. – Вечером снова наточу. А шлем отполирую. Не нужны мне его деньги. Пусть лучше заново свой потолок покрасит. И кровать новую купит. Подлиньше. И стул. Покрепче. Ну, и стол заодно... и посуду там всяющую, лампу тоже...

Сенька фыркнула в кулак.

– Ну ты, друг, как гиппопотам...

– Как гипо... по... где?

– Сеня сравнила тебя с бегемотом. По научному – гиппопотамом. Это такой большой узамбарский зверь. Очень тяжелый и сильный. И... ломает всё.

Олаф смутился и принял яростно оправдываться – словно от гиппопотама отбиваться:

– А какой дурак под локти нормальным людям подставляет всё, что бьется с первого удара? И ножки кто у стульев делает, словно из спичек? И кровати – как на кукол, ноги не вытянуть, чтобы чего не своротить!.. И...

– Они не ожидали твоего приезда, – тактично предположил Иван.

Лицо конунга просветлело.

– Так в следующий раз им заранее сообщать надо, значит!

– Чтобы успели заколотить гостиницу и сбежать подальше, – ухмыльнувшись, царевна закончила идею приятеля.

– Кхм, – поспешил отвернуться к окошку Иван.

– Кстати, надолго зарядило-то, не знаете? – отряг, смешавшийся на почве конфликтующих эмоций, элегантно перешел к нейтральной теме.

– Дня на три – минимум, – с мрачным удовлетворением повторил с каминной полки ковер первый вариант своего прогноза.

– Зря мы тем мухоморщикам бывшим парус отдали, – расстроенно поджала губы царевна и выглянула в окно. – Сейчас бы накрыть Масдая ой как пригодился... Не панацея, естественно, но хоть от постоянного двора к постоянному двору короткими перелетами смогли бы добираться... наверное.

– Но должны же они были как-то до дома доплыть, Сеня, – с укоризной напомнил муж. – У них ведь даже весел не осталось!

– Руками бы дрогнули, – недовольно пробурчала Серафима: старые обиды уходят неохотно.

– Сень, но ты ведь так на самом деле не думаешь...

– Думать я про них еще буду!.. – фыркнула она по инерции но, вспомнив о вечном мире и коммерции, обещанных Лесогорью молодым конунгом, великодушно успокоилась. – Адалет уже встал? Олаф, не видел?

– Встал, и уже знает, что нужно делать, чтобы продолжить путь без задержки! – раздался бодрый голос старичка из-за необъятной спины отряга.

– Вы сможете разогнать тучи? – оживился северянин.

– Остановить дождь? – с благоговением предположил Иван.

– Узнать, где подешевле купить коней? – недоверчиво прищурилась царевна.

– Оставь такую ерунду непосвященным в древние таинства магии, девица Серафима, – снисходительно фыркнул чародей. – И вмешиваться в деяния природы нам тоже нужды нет, молодые люди. Ведь мне известно средство получше...

Средством получше оказалось одно старое, но простое заклинание. Пять минут усердных пассов и вдохновенного бормотания – и маг-хранитель самодовольно выпрямился во все доступные ему метр шестьдесят и окунул гордым взором застывшую в почтительном внимании аудиторию.

– Воды! – скомандовал за плечо волшебник, буравя горящим взглядом из-под кустистых бровей нервно подрагивающего кистями Масдая.

– Зачем? – не понял Олаф.

– Проведем демонстрацию гидрофобного эффекта, – милостиво снизошел до объяснений маг.

Уразумев из всего сказанного только первое слово, отряг тем не менее послушно протянул старику полный кувшин воды, предназначенный для утреннего омовения супружеской пары.

– Столько хватит?

– Столько лишне!!! – осознав, что собирается делать Адалет, в панике возопил ковер. – Прекратите немедленно!!! Я требую!!! Я прика...

Но было поздно.

Торжествующе улыбаясь, чародей медленно вылил на застывшего от ужаса Масдая все два литра с половиною.

Ковер ахнул, зрители охнули...

Вода, собравшись в плоский толстый блин на поверхности вставших дыбом щетинок, постояла на месте с пару секунд, дрожа, и вдруг, будто надумав что-то, быстро и разом стекла вся на пол и юркнула в щели под доски.

– Сухой... – Сенька недоверчиво потрогала дрожащую от пережитого потрясения спину ковра, потерла палец о палец и поднесла к глазам. – Как только что с печки слез!..

– Ну а я что говорил! – усмехнулся Адалет, победно складывая короткие ручки на пухлой груди. – Кренделяция Шмонделя, пропорция четыре на два! И да устыдятся маловерные!

Признавая полное и безоговорочное поражение, Серафима разверла руками.

– Устыдились.

– Ну, что? Собираемся? – деловито повернулся к выходу отряг.

– Вперед! – бодро возглавил процессию старичок.

– Только я одного не поняла, – задумчиво проговорила царевна вслед бодро удаляющимся по коридору спинам. – На нас он тоже шманделяцию Кренделя наложит, или всё-таки стоит разориться на плащи?

– Кренделяцию Шмонделя, – дотошно поправил Иван.

– Да какая в крендель разница!..

Лицо супруга задумчиво вытянулось.

– Наверное, есть... И вообще: тронемся в путь – станет видно. Адалет – великий маг! – оптимистично закончил лукоморец и принялся проворно упаковывать в вещмешок извлеченные на ночь пожитки.

После первых пяти минут пути всё стало действительно видно. И даже виднее, чем всей честной компании того хотелось бы.

Первым тревогу поднял Масдай.

– А вам не кажется, уважаемый маг, что заклинание ваше то ли произносилось, то ли проходило? – нервно подрагивая ворсинками, брюзгливо поинтересовался шершавый шерстяной голос.

– В смысле? – снисходительно фыркнул из-под капюшона нового плаща Адалет: к разочарованию путников, гидрофобность на одушевленных существ наложению не подлежала.

– В смысле, вода на меня льет, как из ведра, вот в каком смысле! – огрызнулся ковер.

– Ну естественно, – важно подтвердил старик. – Льет. На то он и ливень. Только вода эта на тебе не задерживается. Как в гостинице.

– В гостинице не задерживалась, – терпеливо согласился Масдай. – А сейчас задерживается, скапливается и даже, по-моему, размножается.

– Не может быть, – сказал, как отрезал волшебник и высокомерно оттопырил нижнюю губу. – Это тебе кажется. Автоиндуцированная гидрофобия. В сопровождении параноидального синдрома.

– Значит, фобия? – переспросил ковер.

– Да.

– В сопровождении синдрома?

– Именно, – авторитетно кивнул старишок. – Так что, успокойся и…

– Успокоиться?!.. Успокоиться?!..

Долготерпение, качество и при иных обстоятельствах не входящее даже в седьмой десяток добродетелей ковра, растаяло под потоками лотранского ливня как рафинад, и Масдай – само воплощение гидрофобии на Белом Свете – взорвался возмущением и брызгами.

– Хорошо, я успокоюсь! Я-то успокоюсь, да, пожалуйста, хоть сейчас!.. Но только когда через полкилометра мы грохнемся…

– Да никуда мы не грохнемся! И вообще, мне непонятно твое паникерское настроение! – сердито пристукнул пухлым кулачком по спине их воздушного корабля чародей, задетый за самое болезненное, после пребывания в стране отряжских богов еще не совсем отошедшее – искусство и репутацию старейшего на Белом Свете мага.

– Хорошо, поправка принимается, – сквозь стиснутые ворсинки с ядовитой любезностью согласился Масдай. – Когда через полкилометра **Я** упаду, надеюсь, что никакие фобии и синдромы не помешают вам счастливо продолжить свой путь!

– Не вижу оснований… – оскорблённо вскинулся было Адалет, но тут конец научной дискуссии положила царевич.

– Поглядите… Он действительно промокает! – тревожно продемонстрировал Иванушка спутникам пальцы мокрые то ли от воды, льющейся с неба, то ли от воды, уже успевшей впитаться в шатт-аль-шайхскую шерсть.

– Масдай, разворачиваемся – и обратно, – вздохнула Серафима. – Кажется, магия и впрямь дала течь…

Как ни бился Адалет, как ни пытался исхитриться и приспособиться, но его заклинание водонепроницаемости с позорным пшиком без вести пропадало каждый раз, когда на ковер садился хоть один человек.

– Хм-хм-хм… Какие мы там перебрали комбинации и варианты? – после полутора часов потерянного времени и двадцати литров вылитой на дрожащего от злости Масдая воды, волшебник решил сделать передышку и потянулся в карман за блокнотом, благополучно утерянным еще после третьего эксперимента.

– Никто не видел моего… э-э-э?..

– Нет, – озадаченно пожали плечами друзья, перерыв всю комнату.

Ковер мстительно промолчал.

– Ладно, так вспомню, – с раздражением отмахнулся Адалет и принялся загибать пальцы, хмуро косясь на Масдая, словно и дождь, и бесполезные заклинания, и потерянное время, и пропавший блокнот – всё было исключительно его виной.¹

---

¹ В трех из четырех обвинений он был всё-таки неправ.

— Двойное нанесение непромокаемости пробовали... — стал медленно проговаривать он, сосредоточенно покусывая недоеденный за время экспериментов карандаш. — Трансгрессию перпендикулярных потоков Никовалди пробовали... Модуляцию случайного вектора гидрофильности тоже... Гиперрастяжение межструйных расстояний... так... Мобильное стасисное поле Бугенгерца... угу...

Сенька вздохнула и незаметно исчезла, но появилась как раз под занавес внушительного списка напрасных усилий.

— ...кренделяция Шмонделя в пропорции четыре на три... потом четыре на четыре... и, наконец, четыре на...

— Десять, — громко сообщила всем заинтересованным лицам она.

— Десять?... — сбитый с толку, удивленно оглянулся волшебник. — Десять?.. Что за бред! Десять! Ха! Самому Шмонделю не пришло бы в голову ничего подобного, Серафима, а ведь какой только бред не приходил ему в голову, как сейчас помню!.. Нет, девица. Десять — исключено.

— Но на меньшее он не согласен, — пожала плечами царевна. — И я бы на его месте не согласилась.

— Кто? — заморгал непонимающе Иван.

— Ну, этот...

— Шмондель?!.. — маг вытаращил глаза и выронил промокший, как лягуша, любимый блокнот, обретенный минутой раньше из-под сощающегося холодной водой брюха Масдая.

— Сам ты... такое слово... твое премудрие, — обиженно насупилась в адрес волшебника Сенька. — Я о хозяине гостиницы говорю, о Клаусе! Или Клаасе? Или как там его? Не важно. И, конечно, о лошадях. Лошади неплохие. Лично проверила. И если принять во внимание, что в эту сумму он успел включить стоимость ремонта комнаты Олафа, которую увидел только после нашего отъезда, и цену новой штукатурки для протекшего отчего-то под нами потолка зала, то сорок кронеров с нас всех — совсем неплохая цена.

Олаф застыл, натужно таращясь в потолок и с выражением неземной муки на конопатой физиономии шевеля губами: высшая математика никогда не давалась ему легко.

Иван и чародей с задачкой справились быстро.

— Масдай поедет с кем-то из нас? — уточнил старик.

Сенька хотела сострить, но махнула рукой, и для разнообразия просто ответила «да».

— Десять кронеров за одного коня — это весьма сходная цена, — удивленно покачал головой Адалет.

— И ты говоришь, что мастер Клаас еще и захотел включить стоимость ремонта в стоимость лошадей? — царевич с недоумением уставился в честные супругины очи.

— Он так сказал, не я, — снова надулась Серафима.

Но пока сконфуженный своей бестактностью и постыдной недоверчивостью Иванушка тщетно искал подходящие для извинения слова, весьма успешно краснея при этом, она отвернулась с видом оскорбленной невинности и еле слышно пробормотала себе под нос:

— Правда, никто не утверждает, что он этого хотел.

С видом ученого, остановленного на пороге гениального открытия с занесенной для стука рукой, Адалет сунул блокнот мимо кармана, поискан и не нашел заложенный за ухо карандаш и снова обратил свое внимание на многострадального Масдая.

— Если бы у нас было побольше времени, я практически уверен, что смог бы разрешить эту проблему, небольшую, но действующую на нервы...

— На нервы, основу, кисти и ворс, — брюзгливо уточнил ковер.

— Вообще-то, я себя имел в виду! — недовольный прерыванием чародей дернул бородой, мокрой, как он сам и всё вокруг него в радиусе десяти метров. — Но я вижу, никого здесь не интересует, что величайший боевой маг всех эпох и народов занимается всякой ерундой в жал-

кой сырой каморке как какое-нибудь доброе бюро дурацких услуг... или наоборот?.. Неважно! Что я имел в виду, так это что в то время как Белый Свет дрожит перед перекошенной злобной мордой смертельной опасности, я, самый могучий волшебник во всем Белом Свете... Я... Э-э-э... Кхм. О чём это я?

- О морде.
- О нервах.
- О Белом Свете.

Три полезных подсказки прозвучали почти одновременно.

Адалет фыркнул, задумался на мгновение, собирая разбежавшиеся мысли в кучку, и горделиво продолжил, обращаясь к расстеленному почти во всю комнатку Масдаю:

– Что я действительно имел в виду, так это то, что я, безусловно, с минуты на минуту мог бы найти новую формулу, которая облагодетельствовала бы всех промокших путешественников Белого Света. Но из-за проклятой спешки иногда приходится откладывать самые благие наши начинания. Что ж. Станем довольствоваться малым. Сейчас я наложу на тебя сушильные чары, мы замотаем тебя в брезент,² и к вечеру ты будешь сух, как дно Песчаного океана.

- А поскорее?

– Поскорее? – сварливо усмехнулся старик. – Пожалуйста. Хоть сию секунду. Но помни аксиому Пиромани: скорость высушивания прямо пропорциональна вероятности возгорания высушиваемого объекта.

– Ну хорошо, уговорил, – несколько поспешнее, чем позволяло его чувство достоинства, согласился ковер. – К вечеру – так к вечеру. Не то, чтобы я куда-то спешил.

Адалет, больше не замечая вокруг себя никого и ничего, вылетел из комнаты в коридор мрачнее целого грозового фронта. Олаф последовал было за ним, но на пороге остановился, повернулся к лукоморцам и, нерешительно откашлявшись, произнес:

– Слушайте, ребята... Я тут, что наш кудесник говорил... про волхвования свои... ни хела горячего не понял. Кроме одного слова. Но и его – не совсем, а почти... Половину понял, а половину... как бы не совсем... А интересно ведь... Все-таки единственное слово...

- Какое? – уточнил Иванушка. – Если мы знаем – скажем, конечно!

– Он тут столько налопотал, – покачивая головой, добавила царевна, – что без высшего волшебного образования ни в жисть не разобрать.

– Гипер...растяжение... чего-то там?.. Кажется?.. – наморщил лоб и с сомнением выговорил молодой конунг, будто не доверяя своим собственным словам.

– А-а... «Гипер» – это приставка такая научная, – охотно пустился в пояснения Иван. – Означает «повышенное». А есть еще противоположная ей – «гипо». То есть, «пониженное». Поня...тно?..

Царевич не ожидал, что его популяризация древнестеллийского языка произведет на отряга такое впечатление.

Рыжий воин вытаращил глаза, потом заморгал, словно пытаясь выгнать соринку, потом нахмурил лоб так, будто хотел, чтобы одна бровь полностью наехала на другую... На мужественной его физиономии отразился неостановимый ход массивных, как континенты, мыслительных процессов, извержение погребенных доселе под толщей гранита подкорки вулканов логики, и – наконец-то! – радость просветления.

– Понятно!!! – как рыжее воинственное солнышко, отряг просиял из-под огненных спутанных прядей неуправляемой, как и он сам, шевелюры. – Конечно, понятно! Теперь я всё понял! «Гипер» – «повышенное», а «гипо» – «пониженное»! Значит, гиппопотам – это малень-

---

² Надеюсь, не стоит пояснять, что говоря «мы» в данном случае, маг имел в виду «все остальные, кроме меня». И был абсолютно прав. Заматывание вручную ковров в брезент было не чародейским делом. Вот если бы этот процесс требовал некоего магического усилия... Но для этого потребовалось бы поэкспериментировать. Во времена, оставшиеся от изобретения формулы, предназначенной для облагодетельствования промокшего населения Белого Света, естественно.

кий большой бегемот, а есть еще гиперпотам – бегемотище огромный! Вот бы на такого поохотиться!..

– Но Олаф!.. Такого зверя нет!

– Как так – «нет»? Название есть, а зверя нет? Так не бывает. Если его еще никто не встретил, это не значит, что его нет, – с убийственной логикой охотника со стажем подытожил дискуссию отряг, подмигнул оторопевшему Иван и, насвистывая бравурный марш, бодро поспешил в свою комнату.

Не забыв при этом стукнуться лбом о притолоку.

Дорога, вышедшая из Бюргербурга ровной прямой широкой полосой, недолго продолжала свое образцовое поведение. Через десяток километров выложенный утрамбованным в грязь булыжником путь начал незаметно сужаться, петлять, и кончил тем, что, возжелав перемен и разнообразия после долгой скучной равнины, принял сначала неспешно, а потом все энергичнее и увлеченнее карабкаться вверх.

Впрочем, у него было веское оправдание такому легкомысленному для солидного торгового маршрута поведению: из земли перед ним постепенно и степенно стали расти горы.

Горы горам рознь, как сказал неизвестный философ. Бывают горы – аристократы своего рода: холодные, седоголовые, отстраненные, неприступные, равнодушно взирающие на копошащихся у их подножия суетливых двуногих и окатывающие их ледяным презрением лавин и обвалов, если те осмеливаются нарушить незримую, но прекрасно известную обоим классам дистанцию.

Бываю горы одомашненные. Приземистые, обросшие лесом, кустарником и избушками охотников, они радушно приветствуют всех, кто, проходя мимо, заскочит на пару дней-недель-десятилетий, чтобы разделить с ними их старицкое одиночество, щедро одаряя гостей пушниной, дровами или рудой – что кому надообно.

Но случаются и горы совсем иные: беспорядочная груда бесформенных, безликих, бесполезных камней всех вообразимых и не слишком форм и размеров, хаотично наваленных в неопрятные и непреодолимые массивы, словно какой-то сверхгигант или бог делал уборку в своем доме, замел весь скопившийся за сто тысячелетий мусор на совок и, не глядя, высипал его содержимое на задний двор.

Горы без лица и стиля.

Горы – люмпены.

Если бы они были людьми, они стали бы уличными грабителями.

Экспедиционный корпус по нейтрализации Гаурдака оказался именно в таком негостеприимном окружении.

– Вот ведь хвост-чешуя… – Олаф уныло задрал голову в поисках горизонта, пропавшего из виду еще три часа назад, и на мрачную его физиономию посыпалась, как из прохудившегося сита, редкие холодные капли дождя. Он фыркнул и поспешил утереться рукавом.

– И кто придумал наворотить именно здесь такую хелову кучу камней?.. – сквозь зубы проворчал отряг.

– Ага! Ты это заметил? Не ждал от тебя, не ждал!.. А ведь, меж тем, это безумно интересная история! Глядите внимательно!.. – остановил своего скакуна и с готовностью затараторил Адалет, увлеченно тыкая посохом то направо, то налево. – Современная наука полагает, что при катаклизме, который сопровождал Большой Эксперимент, горные породы в середине бывшего шара слиплись от сверхвысоких температур, и когда тот распался на два полушария, так и остались на нашей половине…

Было похоже, что от затянувшегося дорожного молчания он страдал не меньше, чем от тягот горной дороги, преодолеваемой верхом не на ковре-самолете, а на мерине-самотрясе.

Путники остановили своих лошадей и по совету мага честно попытались углядеть внимательно что-нибудь еще более безумно интересное, чем лысые серые камни и разбитый неровный лотранский хайвэй.

– …Но чтобы проверить правильность данной гипотезы, надо отправить экспедицию на Левое полушарие и убедиться, есть ли там на симметричном данной локации месте аналогичная впадина. Деяние, достойное настоящих героев! А, конунг?

И волшебник заговорщики подмигнул рыжему воину и хитро ухмыльнулся.

Грозного отряга, казалось, поразила внезапная глухота.

С не менее каменным лицом, чем весь окружавший его ландшафт вместе взятый, он грузно начал сползать со своего старого тяжеловоза – единственного коня из стойл мастера Клааса, способного без немедленного приступа радикулита нести двухметрового всадника в полном походном снаряжении. Но когда до заветной земли оставались считанные сантиметры, нога его попала на вывороченный из дороги булыжник, подвернулась, и всё вымученное самообладание и невозмутимость покинули Олафа в одно дыхание.

– Хель и преисподняя!!! – свирепо взревел он и ожег нависающие над их головой голые негостеприимные скалы таким взглядом, словно они учинили ему и всему его роду смертельную обиду и собирались проделать этот трюк еще раз и неоднократно.

Получасовые верховые прогулки по городу медленным шагом на заморских трофеинных конях для демонстрации мощи и богатства правящего дома, и путь длиной почти в полдня – вещи определенно разные, отчетливо ощущил он на собственном опыте.³

Скрывая от друга сочувственный взгляд, Иванушка быстро проговорил:

– Что-то я тоже притомился. Может, привал устроим?

Потухшие было глаза волшебника вспыхнули радостным огнем.

– Привал – замечательная идея! – потер он мокрые ладони и – Иванушка мог бы поклясться! – телепортировался под копыта своего иноходца.

– А может, лучше еще немного проедем? – как бы невзначай предложила царевна, но под кровожадными взорами отряга и чародея поспешила пояснить: – Я карту Адалета смотрела. Вот, полюбуйтесь сами.

Иванушка взял атлас гужевых дорог Забугорья из рук жены и развернул на шее коня, бережно прикрыв полой плаща от всепроникающего дождя.

Царевна ссыпалась в карман мелкие камушки, которыми лениво жонглировала по дороге, и принялась комментировать представшую взору супруга картину, тыкая для наглядности пальцем в замызганный ломкий пергамент:

– Мы сейчас здесь, вот на этом крутом повороте между двумя почти отвесными стенами. Если карта не врет, то километра через полтора у нас ожидается перевал, потом, почти сразу – долина, в ней – деревня, а уж там усталым путникам найдется что-нибудь помягче под себя подложить, чем мокрая каменюка.

– Перевал?..

– Долина?..

– Деревня?..

Маг и конунг переглянулись, вздохнули и медленно, но мужественно кивнули.

– Давай свою долину…

– Если только меня кто-нибудь телепортирует обратно…

Карта не врала.

Она слегка кривила душой и масштабами.

Вожделенный перевал случился километра на три позже, чем было обещано куском древнего пергамента, собственностью и – не исключено – ровесником славного мага-хранителя.

---

³ Или, как с ухмылкой прокомментировала бы Сенька, и на опыте тоже.

С безмолвным укором⁴ взирал изнеможенный кудесник волшебных наук из-под нависшего, набрякшего влагой небесной капюшона плаща, как анахорет из пещеры, на окружающую его действительность, включающую в себя все виды и формы горных пород, кроме одной: ведущей вниз. И поэтому не заметил, как поперек дороги, прямо перед его носом, с неба опустился полосатый шест.

– Вы находитесь на границе Багинота! – строго прогремело откуда-то из кучи камней, справа от единственного ровного, хоть и неприлично узкого участка дороги на несколько десятков километров вокруг. И под изумленными взглядами усталых путников груда булыжника превратилась в грубо сложенную из единственного доступного подручного материала стояржку, полосатый шест – в шлагбаум, а требовательный голос обрел хозяина.

Тучный человек в небрежно запахнутом красном плаще поверх черного бархатного камзола в пene щегольских кружев выступил на дорогу из своего каменного укрытия и небрежным жестом протянул руку.

– С вас сорок кронеров.

– Бог подаст, – елейным голоском прощебетала Сенька и тронула кобылу, аккуратно объехав оторопевшего от такого поворота событий толстяка.

Олаф, как будто не было за спиной нескольких часов изнуряющего пути, плавным движением перехватил из-за спины топор и как бы невзначай оказался рядом с царевной.

– Ты бы, южанин, палочку-то свою убрал бы, – не столько предлагая, сколько советуя, проговорил он. – Если она тебе еще нужна будет.

– Извините, господин, – вступил в разговор Иванушка. – Но мы считаем вашу просьбу несколько... то есть, несколько не обоснованной. Дело в том, что это – территория Лотрании. Не хотел бы вас огорчать, но никакого Багинота в природе не существует, а посему никакой границы здесь нет и быть не может. До свидания. Приятно было познакомиться.

Серафима никогда еще не имела возможности наблюдать, чтобы простое непонимание на чьей бы то ни было физиономии так стремительно сменилось первобытным его воплощением – ошарашенным ошеломлением на грани истерики.

– Как... нет?.. – толстяк покраснел в тон плащу, обернулся с живостью, заподозрить в какой его было нельзя еще минуту назад, и принял разглядывать что-то вдалеке, то привставая на цыпочки, то приседая, то вытягивая шею. – Как – нет?.. Не может быть... Не может быть...

– Ну же, ну... Нет – и не надо, и пень с ним, с твоим Багинотом! Из-за всякой чепухи так расстраиваться – никаких нервов не хватит... – Сенька утешающе похлопала его по мокрому красному плечу. – А в твоем возрасте и при твоей комплекции это вообще чревато апокалиптическим ударом. Вот и волшебник это подтвердит.

– Я – боевой маг! – автоматически, но с должным пафосом прогудел из-под капюшона Адалет.

Десяток солдат на господствующих высотах, уже направившие свои арбалеты на несговорчивых странников, застыли на пол-движении, подумали над своими действиями еще раз, и благоразумно пришли к иному решению.

– Извините, господа путешественники, одну минутку, – устремился к ним сухощавый высокий стрелок в начищенной до блеска кирасе и таком же сияющем под дождем шлеме с тоющим пером цвета хаки, ловко перепрыгивая с камня на камень, словно архар. Его архаровцы с неподдельным интересом следили за развитием событий с прежних позиций, позабыв про арбалеты.

– А этому что еще надо? – шепотом, разносящимся вызывающим камнепады и оползни эхом, сурово пробасил Олаф.

---

⁴ Потому что слов уже не хватало.

– Не знаю, – пожал плечами Иванушка.

– Тоже, наверное, деньги просить будет, – брюзгливо предположил Адалет. – По лицу вижу.

– Похоже, их тут целая шайка побиушек, – неодобрительно заметила царевна. – А в будке – притон. Злачное место. Ехать отсюда надо скорей.

– Добрый день, господин маг… – оттесняя штатского, заламывающего руки и жалобно бормочущего в бурном смятении чувств, офицер преградил им дорогу.

– …и его спутники тоже, – гладко закончил он, окинув оценивающим взглядом остальных путешественников. – Видите ли… Главный сборщик пограничных налогов и пошлин мастер Гюнтер – человек пожилой, нервный… И встретив первый раз в жизни людей, которые ничего не слышали о Багинотском королевстве, растерялся. Но не обращайте внимания. Это пройдет. Вы сами-то, наверное, издалека будете?

– Да, – насупился и кивнул старик, не углубляясь в подробности.

– И… вы действительно боевой маг?

На подобный вопрос у чародея во все времена следовал один ответ – развернутая и подробная демонстрация всех своих способностей и возможностей, и да убоятся не спрятавшиеся вовремя маловерные.

И сейчас Адалет грозно сдвинул седые брови, потянулся за прикрепленным сзади к седлу посохом… и к смятению своему вдруг понял, что после нескольких часов тряской горной дороги и вездесущего холодного дождя чувствует себя так, будто это не мерин его, а он мерины втащил на собственной спине на высоту четырех сотен метров над уровнем моря.

Сдавленно охнув от боли в затекшей пояснице, маг срочно решил ограничиться троекратным похлопыванием кончиками пальцев по орудию своего ремесла,⁵ и то ли усмехнулся, то ли покривился.

– Да…

Приняв полученный ответ как должное, бравый военный воодушевленно продолжил:

– Поразительно! Замечательно! Кто бы мог подумать!.. Как это вовр… восхитительно, я имел в виду. И… э-э-э… Кхм. О чем это я?.. Ах, да. Королевство наше небольшое, хотел я сказать, но занимает очень важное место в коммерции Белого Света, ведь через него проходит самый оживленный торговый маршрут Северного Забугорья!

– Да?

Зaintригованные, путники ощупали придирчивыми взглядами оставшуюся позади и маячащую впереди дорогу.

Потом еще раз.

И еще.

Кроме высунувшейся из-под неуклюжего кособокого валуна и тут же спрятавшейся ящерки, другого движения на самом оживленном торговом маршруте Северного Забугорья замечено не было.

Офицер, может, и смутился, заметив их действия, но речи не прервал.

– Да-да! Самый короткий путь из Среднего Забугорья в Западное лежит через эти горы и нашу долину, где в столице – славном граде Багиноте, в честь которого и названо государство – усталые путники могут отдохнуть на одном из восьмидесяти восьми постоялых дворов, пополнить припасы, сменить или подковать лошадей и отремонтировать возы. Самые низкие цены в радиусе двадцати километров, надо заметить. Но, как говорит наш известный философ Бруно Багинотский, за всё бесплатное приходится когда-нибудь платить. И поэтому при пересечении границы нашего королевства путешественники, следующие с коммерческой или иной целью, обязаны внести в казну королевства небольшую сумму.

---

⁵ Чем дотянулся, тем и похлопал.

– Сорок кронеров вы называете небольшой суммой?! – не выдержал Адалет.

– Но с одного человека получается только десять! – умиротворяюще вскинул ладони офицер. – А если посчитать еще и лошадей, то всего пять!

– Не пойдет, – упрямо мотнула головой Сенька.

– Почему? – искренне огорчился офицер.

– Мы не собираемся отдыхать на ваших дворах, – принялась загибать она пальцы. – Мы не станем ничего у вас покупать или подковывать. И возов, нуждающихся в ремонте, равно как и каких-либо других возов, у нас нет. А первое правило столь лелеемой вами коммерции – «нет услуги – нет оплаты».

– Но… но… – растерялся военный и лихорадочно зашарил вокруг себя глазами в поисках вдохновения.

И нашел его.

– Но тогда вам придется заплатить за дорогу. Вы же не можете отрицать, что рассчитываете воспользоваться нашей дорогой?

– А что в ней такого особенного?

– Она… На территории Багинота она гораздо ровнее, чище и шире, чем за его пределами!

– Ну и что? Мы обожаем узкие неровные грязные дороги, – холодно пожала плечами царевна.

– Но только по нашей дороге ваши кони могут развить скорость до трехсот километров в час!

– Не могут, – решительно констатировал Олаф. – Ни одна лошадь не может.

– Это уже ваша проблема, – с сожалением развел руками офицер. – А дело нашего королевства – предоставить такие дороги. И мы свою часть сделки выполнили. А второе правило коммерции – «есть услуга – есть оплата»…

– Половина услуги!

– Хорошо, половина. Поэтому двадцать кронеров – с вас. И ни единорогом меньше.

Вздохнув и тоскливо помянув добрым тихим словом капризы лотранской погоды, принудившие их спешиться, Серафима – казначей их маленького экспедиционного корпуса – вытащила из кармана кошелек и, скрепя сердце и скрипя зубами, отсчитала в протянутую руку багинотца двадцать серебряных монет.

С удовлетворенным кивком тот пересчитал их еще раз и аккуратно ссыпал в свой тощий кожаный кошелек с тесненной золотой короной.

– Милости прошу в нашу гостеприимную страну! – деловито спрятал он кошелек под плащом и дал знак солдату у шлагбаума поднимать полосатую преграду.

На хмурой физиономии царевны неуловимо промелькнула тень внутренней борьбы, мгновенно начатой и так же моментально проигранной, и тут, как с испугом подумал ее супруг, на Сеньку накатило.

Она соскочила на землю, вцепилась в правую руку офицера и долго энергично тряслася, от всей души молотя его при этом по спине, потом принялась в экстазе обнимать его, будто потеряянного во младенчестве прадеда.

– Была рада познакомиться с таким бдительным стражем своей границы! Поразительное знание экономики! И философии! И караульного устава! И основ краеведения! Потрясающее! Неописуемо! Умопомрачительно! Офицер, я уверена, как сто философов, что твое следующее звание – генерал! Да что там генерал – маршал! Или нет! Подымай выше! Фельдмаршальское звание по тебе плачет! Орел! Сокол! Беркут! Стервятник!..

Через три минуты кавалькада отъехала от багинотского КПП, не развив, несмотря на все старания воспользоваться оплаченной услугой, и пятнадцатой части от расчетной скорости дорожного полотна.

Слегка оглушенный и более чем слегка ошарашенный, провожал их долгим изумленным взглядом до самого поворота озадаченный начальник караула.

Из сторожки доносились прерывистые всхлипы и вздохи огорчившегося, похоже, не на шутку мастера Гюнтера.

Когда КПП Багинотской пограничной заставы скрылось из вида за очередной россыпью валунов величиной с дом, дорога быстро пошла вниз, и спустя несколько минут полилась ровной булыжной лентой по долине обетованной.

Главный город таинственно появившегося на карте и лице Белого Света королевства был виден еще с третьего от перевала поворота, и с каждым виражом багинотского суперхайвэя становился всё ближе, различимее и ординарнее. Если бы кто-нибудь под страхом отъема вторых двадцати кронеров потребовал сходу назвать десять отличий Багинота от Бюргербурга, путники сразу отдали бы деньги. Первым и единственным бросающимся в глаза различием были бы строительные леса, опутавшие дома. Целый лес лесов, если быть точным.

Иванушка оторвал задумчивый взгляд от страдающего тяжелой формой строительной лихорадки Багинота, снова развернул карту и еще раз, повнимательнее, всмотрелся в то ее место, которое они намеревались посетить сейчас вживую.

– Карте всего сто тринадцать лет. И сто тринадцать лет назад никакого Багинота тут не было. Ни города, ни страны, – спустя минуту пристального изучения объявил он в пространство, отчего-то старательно не глядя на супругу. – Деревня, которая тут обозначена, называется Бараньи Надавыши. Интересно, что это такое?..

Но вариантов ответа и на этот вопрос из области географии свежеиспеченного королевства не было, и лукоморец, засунув пергамент обратно в тубус, уныло ссгутился и продолжил путь в невеселом молчании и тревожных размышлений.

Едва кавалькада спустилась с гор, как почти сразу их встретили маленькие фермы, а потом и городские дома, среди которых затерялись восемьдесят восемь постоянных дворов, ни на одном из которых усталым путникам нельзя было отдохнуть, пополнить припасы, сменить или подковать лошадей, и даже купить, отремонтировать и снова продать возы.

Но если нельзя, но очень хочется, значит, можно, изрек когда-то неизвестный мудрец. И путешественники сейчас, ничтоже сумняшеся, намеревались поступить именно так.

Счастливый конец?

Не совсем.

И не для всех.

Иванушка осторожно вдохнул, потом так же тихонько выдохнул, собрал смелость и волю в кулак, и с холодящим ожиданием катастрофы искоса глянул на супругу, притихшую справа от него.

Необратимых изменений и патологий внешне, вроде бы, не наблюдалось.

Пока?

Или всё загнано вовнутрь?

Ох, спаси-упаси...

Может, попробовать с ней заговорить? Всё равно ведь рано или поздно придется...

Удары судьбы надо принимать стойко.

По мере возможностей.

И с замиранием сердца и дрожью в голосе, царевич негромко позвал:

– С-сеня?.. Сеня?.. А, Сень?.. Как ты себя чувствуешь, солнышко? У тебя... ничего... не болит? Может... тебе чего-нибудь... хочется?

– На провокационные вопросы не отвечаю, – невольно ухмыльнулась и хмыкнула царевна.

Абсолютно нормально.

— Это я про «чего-нибудь хочется», — уточнила она. — А насчет остального... Четыре часа — полет нормальный. Тем более что скоро приземление. А что?

— Нет, ничего... — смешался Иванушка, шумно выдохнул и порозовел от облегчения. — Просто... ты так... неожиданно себя повела... там, на перевале...

— В смысле? — настороженно прищурилась Серафима.

— Ну... Обниматься полезла с этим...

Теперь, когда выяснилось, что любимая жена его была в здравом уме и твердой памяти, события последних пятнадцати минут приобретали совсем иную окраску и значение.

— ...с этим...

Иную окраску стали приобретать и щеки Иванушки.

— ...с этим... напыщенным... фанфароном... — сквозь зубы подобрал, наконец, царевич подходящие, с его точки зрения, эпитеты для начальника караула.

Теперь лицо его пылало, сжигаемое пламенем ревности.

— Ага, ты тоже заметил, что он, во-первых, напыщенный, во-вторых, фанфарон, и, в-третьих, скользкий тип! — обрадованно заулыбалась Серафима.

Иван опешил.

— Ты вправду считаешь, что он — фанфарон?.. И скользкий тип тоже?.. А чего ж ты тогда?!..

Сенька загадочно потупилась.

— У женщин свои секреты...

Уснувшая было Иванова ревность вновь встрепенулась, подняла голову и потянула носом, принюхиваясь к следу. Но продолжить допрос ставшей вдруг непонятной и взбалмошной супруги не позволил ей волшебник.

— А что касается меня, я вообще не понимаю, зачем тебе нужно было торговаться с этим взяточником, — сердито пробурчал он через плечо в затылок своего капюшона. — Ровно на базар пришла! Отдала бы ему сорок кронеров, и дело с концом! Тут люди страдают... в смысле, жаждут перемен... пейзажа... а она...

— У нас не было сорока кронеров, Адалет, — мгновенно посерезнела и тихо ответила Серафима.

— Не было сорока кронеров? — искренне удивился Олаф рядом с ним, словно до этого жил в полной уверенности, что деньги рождаются в кошельках.

— А сколько у нас осталось сейчас? — забеспокоился Иван, чувствуя в накатившем финансовых кризисе свою немалую вину: щедрая помощь нескольким крестьянским семьям, на чьих полях с озимыми развернулись весенние боевые действия двух враждующих герцогов, и труппе бродячих актеров, ограбленной накануне разбойниками, была на его совести.

— Двадцать один, — коротко ответила царевна.

Адалет быстро произвел нехитрые вычисления.

— Как это у нас не было сорока кронеров, девочка, если ты отдала двадцать, да двадцать один у тебя остался...

— Ты неправильно считаешь, — неохотно поправила его Сенька и со скучающим видом устремила взор на верхушки скал. — У нас был двадцать один кронер. Офицеру я отдала двадцать. Но когда мы отъехали, у нас снова оказался двадцать один.

— Как это?.. — вытаращили глаза чародей и конунг.

Иванушка же, знакомый не понаслышке с умениями и навыками своей супруги, способной отправить в лечебницу с остройшим воспалением комплекса неполноценности самого шатт-аль-шайхского вора, заподозрил неладное.

— Сеня?.. — нерешительно проговорил он.

— Я переложила ему в кошелек свои камушки, а деньги вернула тому, кому они больше всего были нужны, — вызывающе глянула ему в глаза царевна. — Но если ты считаешь, что вся-

кие дармоеды имеют право драть три шкуры за то, чтобы честные люди ходили по их дорогам, сидели на их камнях и дышали их воздухом, то иди и верни им. На!

И она протянула ему печально звякнувший кошель.

Рука Ивана потянулась к деньгам, зависла и...

– Ага, то, что надо! – радостно вырвалось из уст чародея, а палец сам по себе ткнул в строгую черно-желтую вывеску дома слева, двухэтажного, беленого, с фасадом, перекрещенным черными балками, с гордой надписью на жестяной табличке «Ул. Бруно Багинотского». – Знахарь Хайнрик! Мази и заговоры для кавалеров, завершающих дальний путь верхом, охоронявших лошадей, беременных женщ...

Взгляд его упал на отряга.

Весь его вид говорил о том, что он скорее признается, что он – беременная женщина, чем сообщит товарищам по оружию, что нуждается в помощи знахаря Хайнрика.

Или любого иного знахаря, травника или шептуна Белого Света.

– Парень, какого лешего!.. – от всей души, сердца и прочей анатомии возмутился маг-хранитель.

Иванушка взял из рук Сеньки кошелек и протянул его Адалету.

– Мой опыт общения с лошадьми подсказывает, что... – теперь уже лукоморец нечаянно встретился глазами с Олафом, и продолжение предложения тут же вылетело⁶ из головы царевича. – Что... что... это... ну...

– Ваня хочет сказать, что к вечеру, судя по всем признакам, ваши кони могут захромать, – ловко подхватила выпавшее знамя из рук супруга царевна. – Поэтому ему кажется, что было бы разумным посетить знахаря Хайнрика и купить у него какое-нибудь снадобье... для копыт ваших иноходцев.

Над маленьким отрядом повисло напряженное молчание.

Нарушенное конунгом.

– Я... в своем карраке... был бы уверен как в самом себе... Но... Мьёлнир этих коней знает... что с ними к вечеру может случиться... Так что... наверное... это... х-хорошая... мысль... С-серафима... – через силу выдавил Олаф, сжимая луку седла своего престарелого двигателя телег так, будто намеревался раздавить ее.

Намеренно или нет, но ему это удалось.

Выступающая часть седла хрустнула, треснула и обмякла, словно тряпочная.

Отряг сконфужено крякнул.

– Бывает, – не хуже любого багинотского философа повела плечами Сенька.

– Бывает и хуже, – уточнил юный воин и вдруг смущенно ухмыльнулся.

Волшебник исподтишка покосился на конунга, увидел, что стена разрушена и крепость пала, кивнул с удовлетворением, и принял осторожно спешиваться. С непроницаемым лицом юный правитель Отрягии последовал его примеру.

---

⁶ Чрезвычайно поспешно, оставив вещи и не оставив адреса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.